

кеше шуңа да нық куанган иде. Ул һаман Фәрдәнәне юатты. Ничек сез шул әллә ниткән язуга ышандығыз, диде (Х. Камалов).

Выделение отдельного предложения в абзац определяется общим смысловым единством, логико-стилистической соотнесенностью его частей в сопоставляемых языках. Что касается синтаксического целого, то оно заложено в устной, разговорной грамматической природе, поскольку предложения существуют не изолированно друг от друга, а в едином целом связанной речи в сопоставляемых языках. Исследованный нами языковой материал английского и татарского языков показывает нам, что, не смотря на то что представленные языки имеют разноструктурный характер, структура и семантика синтаксических связей на уровне абзацев имеют универсальное значение.

Библиографический список

1. Блох М. Я. Синтаксис монологической речи / М. Я. Блох // Вопросы лингвистики. – Томск, 1969.
2. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка / Л. А. Булаховский. – Киев, 1962.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2004.
4. Карпенко М. В. Присоединительные конструкции в современном русском языке / М. В. Карпенко. – Черновцы, 1961.
5. Мальчевский Л. М. Некоторые языковые средства для выражения отдельных видов связи в последовательностях предложений / Л. М. Мальчевский // Ученые записки Хабаровского пединститута. – Хабаровск, 1962.
6. Пospelов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Н. С. Пospelов // Доклады и сообщения Ин-та рус. яз. АН СССР. – М., 1948. – Вып. 2. – С. 134.
7. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы / И. А. Фигуровский. – М., 1961.

НЕСТАНДАРТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗНАКОВ ПУНКТУАЦИИ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ НАРРАЦИИ

Е.И. Сернова

В настоящее время способ перевода прямой речи в повествование изменился. Это означает, что пунктуационные знаки, ее окружающие, и их функции претерпели изменения. В первую очередь, прямая речь – часть речи рассказчика, визуально представляющая ее как свой составляющий элемент, который устраняет эффект определения этой синтаксической единицы и показывает другой голос. Таким образом текст воспринимается монофонически, с одним голосом рассказчика.

At present the way of inputting of such a syntactical unit as direct speech into narration has changed. It means that the punctuation signs which frame it and their functions have also been changed. First of all, direct speech is a part of the narrator's speech, visually presenting it as his constituent element, which eliminates the effect of identifying this syntactical unit and recognizing another speaking voice. Thereupon, the text is perceived as monophonic with only one voice that is of narrator's.

Ключевые слова: наррация, прямая речь, синтаксическая конструкция, знаки пунктуации, речь рассказчика, речь персонажа.

Key words: narration, direct speech, syntactical construction, punctuation signs, narrator's speech, character's speech.

В художественных произведениях имеет место сознательное отступление авторов от нормативной пунктуации и особое ее использование. Такую пунктуацию называют *авторской* (или *поэтической*), где признается право за писателем на индиви-

дуальное употребление знаков пунктуации. Как и обычная, авторская пунктуация отражает синтаксическое членение и интонацию речи, однако также дает возможность выражения более точных смысловых и эмоциональных оттенков, выявления на письме особенностей индивидуального стиля. Одним из авторов, который использует нестандартное употребление знаков пунктуации, является французская новеллистка Анни Сомон.

А. Сомон в современной французской литературе представляет значительное явление. Автор большого количества сборника новелл, она создала свой собственный синтаксис текста, одной из отличительных характеристик которого является ее манера введения в нарративную прямую речь.

Данная статья посвящена проблеме прямой речи в связи с тем, что А. Сомон не единственный автор, по-новому маркирующий прямую речь. Д. Априюз, К. Барош, Э. Ольдер, К. Пижад-Рено и другие современные французские новеллисты изменили манеру ввода данной синтаксической конструкции в нарративный текст. Это позволяет предположить, что изменилась роль знаков пунктуации в процессе продуцирования текста, что они приобрели новые функции, действие которых выходит за рамки фразового синтаксиса.

Известно, что прямая речь как синтаксическое явление изучена грамматистами, составлена номенклатура ее функций, выявлены ее структура и знаки пунктуации, вводящие ее в текст. Вместе с тем проблема пунктуационного оформления прямой речи – это, прежде всего, проблема дискурсивного свойства, вопрос о том, как указать на смену голосов, как дать читателю понять, что говорящий в тексте голос умолк и заговорил *Другой*.

Традиционная структура прямой речи включает в себя два компонента – «слова автора, или вводные слова», и «речь персонажа», которые вместе образуют особую синтаксическую конструкцию, состоящую из самостоятельных частей, связанных по смыслу и интонационно. Связь между ними может быть более или менее тесной и зависит от их взаимного расположения, лексического значения глагола-сказуемого в авторских словах, которые устанавливают сам факт чужой речи, указывают на того, кем она произнесена, к кому обращена и о ком идет речь.

В настоящей работе прямая речь исследуется не как явление синтаксической организации предложения, а как явление синтаксиса текста, в связи с чем мы оперируем и терминами, свойственными семилингвистическому подходу, а именно: «речь/слова/высказывание рассказчика», так как говорящим в тексте является не автор, живой человек, а рассказчик – текстостроительная категория, которая вводит высказывание персонажа в нарратив. Что касается термина «речь персонажа», то он будет использоваться совместно с термином «высказывание персонажа».

Кроме того, с позиций теории высказывания вводные слова определяются как речь *цитирующая*, а слова персонажа – как речь *цитируемая*, поскольку мы рассматриваем нарратив как определенный тип высказывания, а именно высказывание рассказчика, которое в определенных условиях вступает во взаимодействие с высказыванием персонажа. В результате взаимодействия образуется специфическое пространство – «пространство высказывания», под которым вслед за Л. Розье [4, р. 129] мы понимаем «прямое следствие взаимоотношений между речью цитирующей и цитируемой».

Анализ текстов А. Сомон свидетельствует о том, что в них встречается как двухкомпонентная (13 видов), так и однокомпонентная структура (3 вида) прямой речи, состоящая только из слов персонажа.

В задачу данной статьи входит рассмотрение знаков пунктуации двух- и однокомпонентной структур прямой речи, используемых в новеллистических текстах А. Сомон.

Изучение фактического материала позволило выделить следующие структурно-формальные единицы двухкомпонентной конструкции прямой речи: «R, P.»; «R p»; «R P»; «R, p»; «R. P.»; «P r»; P, r»; «P, R p»; «P. R.»; «P. R. P.»; «P r, p.»; «R: P»; «P, R, P», где знаком *R* обозначены слова рассказчика, введенные заглавной буквой, *P* –

речь персонажа, введенная заглавной буквой, *r* – слова рассказчика, введенные прописной буквой, *p* – речь персонажа, введенная прописной буквой.

Выделенные конструкции свидетельствуют о двух принципиальных отличиях оформления прямой речи, отличающих ее ввод у А. Сомон от ввода в каноническом тексте, а именно введение прямой речи не только заглавной, но и прописной буквой («*Et il y eut un soir. Et on avait vidé l'assiette et on a dit **bonne nuit Grand'ma, oui, qu'on va se laver les dents et puis on a oublié***») [5, p. 13] и нестандартное использование знаков пунктуации при ее оформлении.

Как и в классических текстах, речь персонажа может занимать препозицию, ин-терпозицию и постпозицию к речи рассказчика.

Среди конструкций прямой речи, в которой речь персонажа находится в *post-позиции* к речи рассказчика, выявлены следующие варианты: «R, P.» (речь персонажа, введенная запятой с заглавной буквы); «R p» (речь персонажа, введенная без знаков пунктуации с заглавной буквы); «R, p» (речь персонажа, введенная запятой с прописной буквы); «R p» (речь персонажа, введенная без знаков пунктуации с прописной буквы); «R. P.» (речь персонажа, введенная точкой и заглавной буквой).

Общей характеристикой для всех пяти выделенных видов является подчеркивание значимости цитирующей речи, то есть речи рассказчика, за счет сближения высказываний рассказчика и персонажа. Все перечисленные выше виды прямой речи используются в наррации, построенной на так называемых комментирующих временах. Х. Вайрх понимает под ними глагольно-временные формы, характерные для коммуникативной ситуации [15, p. 35]. Это времена *Présent* и *Passé composé*, которые используются для того, чтобы рассказать историю ординарную, обычную, такую, какая может произойти с каждым человеком. Такая история «взята из обычной жизни», она разворачивается «здесь» и «сейчас», «на глазах» у рассказчика и/или читателя. Анализ позволяет сделать вывод о том, что выявленные виды пунктуационного оформления прямой речи характерны именно для текстов, в которых комментирующие времена используются в нарративной функции.

Данные временные формы продуцируют наррацию, которую во французской филологии принято называть «новым нарративным письмом» [2, p. 71], для которого типичны сенсорность, специфическое использование периферийных знаков пунктуации, введение категории читателя в виде соавтора текста в текстовую стратегию и полифония голосов.

В данной статье более подробно будет рассмотрена одна из пяти выделенных конструкций, а именно конструкция «R, P.», где речь персонажа вводится запятой и заглавной буквой. Данная конструкция является наиболее употребительной и наиболее узнаваемой, так как имеет наибольшую схожесть с классическим оформлением прямой речи.

Сама по себе без учета знаков пунктуации конструкция имеет традиционный вид, но от обычной ее отличает, прежде всего, наличие запятой вместо двоеточия и кавычек: «*L'homme en blanc, dans la cellule, avait un bon sourire, des gestes bienveillants. Il offrait une cigarette, **il demandait, Racontez vorte enfance. Dites... au hasard... sans réfléchir.** Et parce qu'encore on se taisait l'homme insistait, il fallait*» [14, p. 57–58].

Канонические знаки пунктуации при прямой речи представляют собой подобие пограничных столбов, делимитирующих одну форму изложения (наррацию) от другой (речи персонажей) и четко указывающих на присутствие в тексте двух голосов. Их количественное уменьшение и/или замена вносят определенное смещение в восприятие текста. Формальное изменение данного синтаксического явления, во-первых, приближает его к прямой синтаксической конструкции типа «*Il demandait de raconter ... de dire...*», в результате чего голос персонажа имеет менее самостоятельный характер и в определенной степени смешивается с голосом рассказчика.

Во-вторых, снятие формальных знаков – частично снят знак «стоп», выраженный традиционно каноническими пунктуационными знаками (двоеточием, кавычками и тире), – не тормозит продвижение наррации, она продолжает продвигаться вперед в прежнем темпе, то есть в темпе конкретного повествования.

В-третьих, отсутствие белого пространства вокруг прямой речи визуально представляет ее как часть речи рассказчика.

При этом запятая и заглавная буквы персонажа указывают на смену говорящего голоса и выступают в роли визуальных ориентиров, определяя коммуникативно-интенциональное содержание высказывания. С их помощью автор выделяет дополнительные (кроме глагола речи, притяжательного прилагательного второго лица, заглавной буквы) коммуникативно значимые элементы высказывания, что является успешным условием коммуникации и позволяет читателю понять, что в нарративную речь рассказчика вклинивается речь персонажа.

Текст в этой связи структурируется таким образом, будто в нем существует один голос – голос рассказчика, который ведет повествование в нужном ему ритме и темпе, не останавливаясь для того, чтобы дать слово персонажам.

Среди конструкций прямой речи с высказыванием персонажа в *prepositions* к словам рассказчика выделены следующие варианты: «P. R.»; «P R.»; «P, r.». В данной статье более подробно остановимся на конструкции «P, r.».

Характерными чертами конструкции «P, r» в текстах А. Сомон является отсутствие тире и инверсии, прямая речь не начинается с красной строки и не выделяется пробелом.

Анализ фактического материала позволил выделить две позиции в использовании данной конструкции в текстах А. Сомон: конструкция «P,r» как часть *нарративного* фрагмента и как часть *диалогического* фрагмента.

Так, прямая речь во фрагменте «*Au retour de la gym je suis passée devant l'étalage du fleuriste qui soldait ses bouquets pour cessation de commerce. Je me suis vue arrivant chez la vieille des fleurs à la main, ça serait classe. Une botte, j'ai dit. Et fière de prononcer un mot pas ordinaire, Vous ajouterez un brin de gypsophile*» [6, p. 15] вклинивается в рассказ повествовательницы о покупке цветов и том, как она сумела «ввернуть» в свою речь «красивое» слово *gypsophile*, чем она гордится. Она цитирует свои слова, чтобы еще раз пережить этот приятный момент. Произнесенное вслух высказывание важно не само по себе, а как знак ее компетентности, поэтому она все еще «слышит» его и повторяет с удовольствием.

Прямая речь позволяет подчеркнуть важность цитируемой речи, сама же по себе она второстепенна в подобном контексте: «*Déjà Tilde l'unique voisine s'affaire à rassembler la nourriture. Erik a toujours faim, dit-elle entassant les paquets dans un grand sac de jute. Il travaille au barrage, rentre le soir harassé, dit-elle encore et Martha hoche la tête, compatissante*» [9, p. 33].

Здесь также введенная в нарративный фрагмент конструкция прямой речи «P, r» служит для создания ситуации, в которой она произнесена – она акцентирует озабоченность Тильды, которая собирает еду для Эрика. Цитируемая речь Тильды вторична сама по себе, так как ситуация понятна и без ее слов. Она дополняет характеристику женщины, оправдывая в ее собственных глазах ее хлопоты.

В диалогическом фрагменте (1) – «*Mon manque évident d'intérêt pour une version intégrale des exploits de Daniel et Jeanne a dû l'étonner. J'ai eu droit encore une fois à la question À quoi tu penses. A rien, j'ai dit*» [9, p. 21] рассказчик «je» пересказывает свой разговор с другим персонажем текста, приводит его реплику, на которую отвечает, используя конструкцию: «P, i.» Она здесь обоснована тем, что следует непосредственно за вопросом персонажа и является ответом на его вопрос: «*À quoi tu penses. A rien, j'ai dit*».

Запятая, слабо разделяя два речевых акта, подчеркивает тот факт, что в обоих случаях высказывается один и тот же субъект, и потому акцент падает и в этом случае на цитирующую речь, то есть на позицию рассказчика, как и в приведенном ниже фрагменте (2): «*Coup de fil à monsieur Bruce qui rentrait de sa promenade quotidienne. Il a dit, Oh madame Vignon c'est très aimable, d'accord je me rase et je noue une cravate. A votre convenance, vingt heures, j'ai dit*» [6, p. 17].

Диалогические фрагменты (1, 2) визуально предстают как компоненты нарративного фрагмента. Они стоят в нем среди прочих синтаксических единиц без фор-

мальных указателей на свойственную прямой речи независимость: нет ни красной строки, ни тире, ни инверсии вводящего глагола.

Высказывание «вслух» рассказчика в функции персонажа, отвечающего другому персонажу на его вопрос, представляет собой цитируемую речь, функция которой заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость высказывания рассказчика и особые характеристики ситуации высказывания.

Среди конструкций прямой речи, в которой высказывание персонажа «вклинивается» в слова рассказчика, выделены следующие варианты: «P r p»; «P r, p»; «P, r, p»; «P, r, P»; «P.R. P».

Рассмотрим конструкцию «P r p». Данная структура прямой речи представляет собой обрамляющую конструкцию, в которой слова рассказчика находятся в рамке высказывания персонажа. При этом отсутствуют формальные маркеры чужого высказывания, кроме синтаксической инверсии в речи рассказчика: «*On lançait du pain aux cygnes. Ce sont des bêtes cruelles; un jour ils ont dévoré un enfant qui s'était approché trop près. Tout de même disait Marie ils ont laissé les os. Bietôt les cygnes ne voulaient plus de pain, Marie décidait gravement que la prochaine fois on leur apporterait des petits-beurre*» [13, p. 124].

Прямая речь здесь формально представляет собой независимое предложение, стоящее внутри нарративного фрагмента. Отсутствие конвенциональных знаков имеет целью «растворить» высказывание персонажа в речи рассказчика, чтобы не прерывать ее, не тормозить ее ритм, поскольку ремарка персонажа относительно лебедей не представляется ему достаточно важной, чтобы ради нее останавливать свою речь. Раз она есть, то как «честный» рассказчик он ее доносит до читателя, но, поскольку она незначительна для смысла и события, он оставляет ее на втором плане.

Таким образом, прямая речь «P R p» выполняет две функции в нарративном фрагменте в зависимости от места локализации и объема высказывания персонажа. Внутри фрагмента оно отступает на второй план, не неся значимой информации, в конце его подчеркивает его важность и значимость.

Итак, в большинстве вышеобозначенных структур двухкомпонентной прямой речи доминирует высказывание рассказчика в тех случаях, когда исследуемая структура расположена внутри нарративного фрагмента. Акцент тогда делается на высказывании рассказчика, и полифония, о которой обычно свидетельствует прямая речь, стирается в связи с тем, что персонаж отступает на второй план, а его высказывание предстает как выраженное рассказчиком или рассказчиком совместно с персонажем. Текст в этой связи воспринимается в большой степени как монофоничный, как если бы в нем существовал один голос – голос рассказчика, который ведет повествование в нужном ему ритме и темпе, не останавливаясь для того, чтобы дать слово персонажу.

Когда прямая речь локализована в завершающей части нарративного фрагмента, то усиливается значимость высказывания персонажа. Оно выражает характеристику говорящего субъекта, подчеркивает драматизм ситуации или характеризует рассказчика в момент его коммуникации с другим персонажем.

Что касается односоставной структуры прямой речи, то ее существование констатировала, в частности, Л. Розье, указывая на то, что отдельные языковые единицы замещают лексически обозначенную цитируемую речь: «*En l'absence de discours citant lexicalisé, somme toute marque le passage à du discours cité*» [4, p. 155].

Под односоставной конструкцией прямой речи в данной работе понимается такая конструкция, в которой часть структуры, традиционно называемой «слова автора», или «вводные слова», отсутствует, то есть структура представляет собой речь персонажа, введенную напрямую, без вводных слов, без указания на нее как на чужую речь со стороны автора/рассказчика. Анализ текстов А. Сомон позволил выявить следующие структурные образования данного явления: «N.P. N»; «P/p. N»; «N. (P.)N», в которых N/n обозначают наррацию, P/p – высказывание персонажа.

Все структурные образования представляют собой обрамляющую конструкцию (что и выражено в выделенных структурных обозначениях), поскольку высказывание персонажа введено каждый раз в речь рассказчика, и отличаются от нее пунктуаци-

онным оформлением: речь персонажа может быть выделена с двух сторон точкой, запятой, точкой с одной стороны и запятой с другой. Кроме того, речь персонажа может быть маркирована прописной или заглавной буквой.

В конструкции «N. P. N» речь персонажа вклинивается в нарратацию и маркируется с двух сторон точкой. Известно, что повествование от первого лица представляет собой, по теории Э. Бенвениста, речь субъекта «je», обращенную к собеседнику «tu». В литературной коммуникации субъектом «je» является рассказчик, собеседником которого может быть как читатель в качестве элемента текстовой стратегии, так и другой персонаж текста. Данная конструкция используется в текстах А. Сомон как от первого, так и от третьего лица.

В текстах с рассказчиком от первого лица его прямая речь представляет собой его высказывание, обращенное к другому персонажу, которого, в соответствии с теорией Ж. Женетта, можно обозначить как получателя речи рассказчика – «narrataire» [3, p. 265].

Так, во фрагменте «*Garçon, encore un café*».

C'est pour dissiper mes vertiges. La tension? Non, l'effet de vin. La journée a été rude. Dernier cours ce matin, ricanements des élèves... » [8, p. 79] первая фраза является обращением рассказчицы-учительницы «je» к официанту в кафе с просьбой принести ей еще один кофе. Далее идут ее воспоминания-размышления о последнем рабочем дне и о «празднике» в лицее по поводу ее ухода на пенсию. Оба высказывания принадлежат одному субъекту – рассказчице, но ее голос звучит по-разному: «*Garçon, encore un café*» она произносит «вслух», все остальное – «про себя». Высказывание «вслух» выделено из корпуса текста в отдельный абзац и маркировано точкой.

Слова автора, которые бы указывали на принадлежность высказывания конкретному персонажу, в данном случае отсутствуют. Маркирование принадлежности высказывания осуществляется тематически в последующем фрагменте – в высказывании «про себя» рассказчик комментирует свою «громко сказанную фразу»: «*C'est pour dissiper mes vertiges*» («*Это, чтобы развеять головокружение*»). Данная фраза косвенно маркирует прямую речь, она не указывает «на» нее, как это делают слова автора, а объясняет причину того, почему заказана еще одна чашка кофе – «в надежде избавиться от головокружения». Данная фраза указывает на того, кто говорит в данный момент, то есть на рассказчицу «je».

Фрагмент текста с прямой речью «N. P. N», таким образом, состоит из двух высказываний одного и того же говорящего субъекта – высказывания, обращенного «вслух» к лексически обозначенному персонажу *Garçon*, и высказывания, обращенного к самому себе. Рассказчик в данном случае играет две роли: он рассказывает о событии (выполняет функцию рассказчика) и выступает в роли участника коммуникативного акта общения, свидетельством чего и служит его высказывание в форме прямой речи, то есть рассказчик является и одним из персонажей текста (по этой причине мы будем использовать термин «рассказчик-персонаж», чтобы подчеркнуть роль рассказчика в конкретном тексте).

Конструкция «N. P. N» используется, как отмечалось, и в тексте с рассказчиком «il»: «*Regarde, maman m'a dit de t'apporter ça. Elle tend à Roberto le sac de papier brun. Il en sort un pantalon de toile*» [10, p. 14].

Персонаж «elle» высказывается когда-то в прошлом. Девушка сказала эту фразу в далеком детстве, сейчас же рассказчик «il» цитирует ее в драматических условиях, когда другой персонаж, тот, к которому были обращены ее слова, должен ее убить из оптического ружья. Фраза девушки вставлена в речь рассказчика, чтобы подчеркнуть жестокость и бессмысленность готовящегося события: ее доброе отношение, то, чему учили ее родители, вступает в противоречие с бессмысленной жестокостью повстанческой войны где-то в Латинской Америке. Сам факт произнесения фразы состоялся давно, но персонаж «il» «слышит» ее сейчас, в момент повествования.

Здесь, как и в тексте от первого лица, связь между разными высказываниями осуществляется в виде продолжения рассказа об этом моменте. Рассказчик «il» цитирует «вслух» слова персонажа «elle», чтобы затем продолжить рассказ о событии из

прошлого: он говорит о том, что девушка делала после произнесения своих слов, тем самым маркируя субъекта речи.

Таким образом, исследуемая конструкция прямой речи в данном случае представляет собой цитирование слов рассказчика или персонажа, сказанных ранее, в момент другого события, а не в момент производства наррации. Она указывает на наличие двух ситуаций – на то, что прежде имела место прямая коммуникация, и на момент производства высказывания рассказчика, выраженного нарративным фрагментом.

Конструкция «N, P. N», где речь персонажа вклинивается в наррацию и маркируется слева запятой, а справа точкой и вводится заглавной буквой, структурно и визуально предстает как продолжение нарративного предложения, являющегося составной частью высказывания рассказчика «il». Запятая, являясь менее сильным разделительным знаком, чем точка, также свидетельствует о более тесной связи между высказыванием рассказчика и словами персонажа: «*Il palpait son corps meurtri. Stevens avait appuyé du bout des doigts, C'est ici. Une chance de pouvoir s'adresser à un ami chef de clinique dans le meilleur hôpital de l'État. Ça évitait les attentes au fond des corridors. Le spectacle poignant de la misère des autres*» [12, p. 125].

Прямая речь персонажа *C'est ici* является завершением его жеста – он пальцами руки показывает то место, которое у него болит. Здесь его жест и слова имеют одну и ту же цель – объяснить проблему со здоровьем, одно есть продолжение второго. Слова предстанут как продолжение жеста. Запятая маркирует данную взаимосвязь.

Конструкция «N. (P.) N.», где речь персонажа маркируется скобками с двух сторон и вводится заглавной буквой, представляет собой достаточно редкое явление в текстах А. Сомон. Тем не менее, она существует, и потому возникает необходимость проанализировать ее и попытаться понять ее роль в процессе текстопроизводства, характерного для новеллистики.

Автор в данном случае использует наиболее сильные знаки выделения речи персонажа из корпуса наррации – скобки. Данный пунктуационный знак, как известно, маркирует слабую связь между компонентами в скобках и текстом за скобками: «*Ce jour-là aussi. N. Alors savait jouir des moment de solitude. Une peu de temps pour se reprendre. Se reposer de lui, l'homme envahissant, de l'amour de lui l'homme possesif. Vivre mollement, flâner au bord des vergers d'amandiers ou dans les rues du village en s'arrêtant pour écouter les vieux qui s'attardent au soleil. (Vous voilà toute seule donc? Ah jusqu' à demain, pas plus? Bon. On avait cru.) Entrer dans l'église pour une fois encore contempler le retable*» [11, p. 51].

Здесь в скобки заключены вопросы соседей к персонажу. Они выделяются из наррации точками и скобками, поскольку не связаны с повествуемым событием, с его основным смыслом.

Молодая женщина приехала в деревню отдохнуть от мужчины и его любви, и она наслаждается покоем. Прямая речь не имеет никакого отношения к происходящему с ней (ощущение счастья, свободы, умиротворения) и никак с ним не связана. Она представляет собой внешний фактор, не имеющий для героини никакого значения. Она по сути есть просто знак ее включенности в мир этой деревни и маркирует факт ее знакомства с жителями. Однако в данный момент ее жизни этот факт не имеет значения, никак не влияет на ее состояние и планы. Чтобы подчеркнуть, акцентировать его второстепенность, рассказчик вычленяет прямую речь из своего повествования.

Но эта «ненужность» поверхностна, употребление слов *toute seule* анонсирует одиночество, которое реализуется позже, когда любимый покинет ее с другой, которую встретил в этой же деревне, в доме возлюбленной, куда та вошла вроде бы случайно.

Если бы эти слова персонажа были введены традиционным способом с помощью вводных слов, они не несли бы такой выраженной смысловой нагрузки.

«Вычлененность» прямой речи скобками из корпуса наррации, таким образом, одновременно является и средством выделения: слова в скобках предсказывают судьбу героини.

Итак, односоставная конструкция прямой речи еще больше, чем двусоставная, имеет вид нарративного фрагмента. Слова автора, которые обычно разрывают повествовательную ткань, прерывают наррацию и тормозят ее продвижение вперед, в данном случае в силу отсутствия не могут играть свою традиционную роль. Повествование в этой связи предстает как образованное одним голосом – голосом рассказчика, на который периодически «накладывается» другой голос.

Как показывает проведенный анализ знаков пунктуации, используемых для введения прямой речи в текстах А. Сомон, в процессе смыслопорождения автор придает особое значение специфическому оформлению прямой речи, сохраняя традиционное сочленение ее компонентов, по-новому использует пунктуационное оформление речи персонажей. Прежде всего, она, отказавшись от пробела, вводит речь персонажей в корпус речи рассказчика, представляя ее визуально как его составную часть. Этот авторский прием стирает эффект быстрого узнавания данной синтаксической единицы и осознания факта появления другого говорящего голоса. Следовательно, полифония, о которой обычно свидетельствует прямая речь, стирается, слова персонажа отступают на второй план, а их смысл предстает как выраженный рассказчиком или рассказчиком совместно с персонажем, как в случае с несобственно-прямой речью. Текст в этой связи воспринимается как монофоничный, с существующим лишь одним голосом – рассказчика, ведущего повествование.

Отступления в текстах А. Сомон от канонического оформления прямой речи свидетельствуют об изменении степени независимости цитирующей и цитируемой речи: на первый план выступает то первая, то вторая.

Перемещение акцента с одного вида высказывания на другой, являясь характерным для разговорной речи средством, превращает наррацию А. Сомон в «сказ» [1, с. 238], стилистически маркируя речь рассказчика-персонажа.

Все перечисленные особенности пунктуационного оформления прямой речи в текстах А. Сомон придают продуцируемой в них наррации свойства разговорной речи, и, прежде всего, они передают интонацию современной французской разговорной речи – быстрый темп высказывания, ритм и модуляцию мелодии. В наррации такого вида более выражены эмоции и состояние, чем размышления, рассуждения и описания.

Библиографический список

1. Эйхенбаум Б. М. О прозе / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Питер, 1969.
2. Barthes R. Le degré zéro de l'écriture / R. Barthes. – Paris : PULIM, 1972.
3. Genette G. Figures III / G. Genette. – Paris : Seuil, 1972.
4. Rosier L. Le discours rapporté / L. Rosier // Histoire, théories, pratiques. – Paris : Duculot, 1999.
5. Saumont A. Alone / A. Saumont // Noir, comme d'habitude. – Paris : Julliard, 2000.
6. Saumont A. Anniversaire / A. Saumont // Noir, comme d'habitude. – Paris : Julliard, 2000.
7. Saumont A. Encore un café s'il vous plaît / A. Saumont // Après. – Paris : Julliard, 1996.
8. Saumont A. Genèse / A. Saumont // Quelquefois dans les cérémonies. – Paris : Gallimard, 1981.
9. Saumont A. L'inconnu / A. Saumont // Noir, comme d'habitude. – Paris : Julliard, 2000.
10. Saumont A. La plage / A. Saumont // Après. – Paris : Julliard, 1996.
11. Saumont A. Le retable / A. Saumont // Je suis pas un camion. – Paris : Julliard, 1996.
12. Saumont A. Les locusts / A. Saumont // Après. – Paris : Julliard, 1996.
13. Saumont A. Pour Marie / A. Saumont // Quelquefois dans les cérémonies. – Paris : Gallimard, 1981.
14. Saumont A. Une chance de survie / A. Saumont // Quelquefois dans les cérémonies. – Paris : Gallimard, 1981.
15. Wenrich H. Le temps / H. Wenrich. – Paris : Gembloux, 1973.